

Константин Леонтьев

# Византизм и славянство

УДК 2-1  
ББК 86.2  
Λ47

**Леонтьев, К. Н.**

Λ47 Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев. – М. : T8RUGRAM, 2017. – 172 с.

ISBN 978-5-521-78633-6

К. Н. Леонтьев – выдающийся русский мыслитель XIX века, писатель, публицист и литературный критик, наиболее известный как самый яркий представитель поздней славянофильской философской школы.

Обладая редкой проницательностью и способностью отслеживать причинно-следственные связи исторических явлений, Леонтьев поражал своими пророчествами многих современников. В знаменитой работе «Византизм и славянство» он противопоставляет «византизм» как конкретный тип культуры «славизму» как некой неопределённой абстракции. Будущее России представляется автору в сохранении традиционного Православия, сильном самодержавии, консерватизме и эстетизме народной старины, в то время как идеи всесословного равноправия, плотской свободы и земного всечеловеческого благоденствия вызывают у автора серьёзные опасения. Основные темы, затронутые Леонтьевым в этой книге, не теряют своей актуальности по сей день.

УДК 2-1  
ББК 86.2  
BIC HRC  
BISAC REL070000

ISBN 978-5-521-78633-6

© T8RUGRAM, оформление, 2017

## Оглавление

|                                                             |     |
|-------------------------------------------------------------|-----|
| Глава 1. Византизм древний.....                             | 5   |
| Глава 2. Византизм в России.....                            | 20  |
| Глава 3. Что такое славизм?.....                            | 44  |
| Глава 4. Что такое славянство? Продолжение.....             | 64  |
| Глава 5. Положение о славянах.....                          | 69  |
| Глава 6. Что такое процесс развития?.....                   | 88  |
| Глава 7. О государственной форме.....                       | 99  |
| Глава 8. О долговечности государств .....                   | 114 |
| Глава 9. О возрасте европейских государств .....            | 123 |
| Глава 10. Продолжение того же .....                         | 133 |
| Глава 11. Сравнение Европы с древними<br>государствами..... | 146 |
| Глава 12. Заключение .....                                  | 159 |



## Глава 1. Византизм древний

Что такое византизм? Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия.

Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка.

Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей – религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных.

Ничего подобного мы не видим во всеславянстве. Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры.

Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство)

отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что она есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной все-свободы, земного всесовершенства и вседовольства.

Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь, — все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским.

Византийская образованность сменила греко-римскую и предшествовала романо-германской. Воцарение Константина можно считать началом полного торжества византизма (IV век по Р. Х.). Воцарение Карла Великого (IX век), его венчание императорское, которое было делом папства, можно считать первой попыткой романо-германской Европы выделить резко свою образованность из общевизантийской, которая до тех пор подчиняла себе, хотя бы только духовно, и все западные страны...

Именно вслед за распадением искусственной империи Карла все яснее и яснее обозначаются те признаки, которые составят, в совокупности своей, картину особой, европейской культуры, этой в свое время новой всемирной цивилизации.

Начинают яснее обозначаться будущие пределы позднейших западных государств и частных культур Италии, Франции, Германии, близятся крестовые походы, близится цветущая эпоха рыцарства, феодализма германского, положившего основы чрезмерному самоуважению лица (самоуважению, которое, перейдя путем зависти и подражания сперва в буржуазию, произвело демократическую революцию и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица, а потом, дойдя до нижних слоев западного общества, сделало из всякого поденщика и сапожника

существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства). Вскоре после этого раздаются и первые звуки романтической поэзии. Потом развивается готическое зодчество, создается вскоре католическая поэма Данта и т.д. Папская власть растет с того времени.

Итак, воцарение Карла Великого (IX век) — вот приблизительная черта раздела, после которой на Западе стали более и более выясняться своя цивилизация и своя государственность.

Византийская цивилизация утрачивает с этого века из своего круга все обширные и населенные страны Запада, но зато приобретает своему гению на Северо-Востоке югославян, а потом и Россию.

Века XV, XVI, XVII суть века полного расцвета *европейской* цивилизации и время полного падения византийской государственности на той почве именно, где она родилась и выросла.

Этот же самый XV век, с которого началось цветение Европы, есть век *первого* усиления России, век изгнания татар, сильнейшего против прежнего пересаживания к нам византийской образованности, посредством укрепления самодержавия, посредством установления придворных обычаев, мод, вкусов и т.д. Это пора Иоаннов, падения Казани, завоевания Сибири, век постройки Василия Блаженного в Москве, постройки странной, неудовлетворительной, но до крайности своеобразной, русской, указавшей яснее прежнего на свойственный нам архитектурный стиль, именно на индийское многоглавие, приложенное к византийским началам.

Но Россия, по многим причинам, о которых я не нахожу возможным здесь распространяться, *не вступила тогда же в период цветущей сложности и многообразного*

*гармоничного творчества*, подобно современной ей Европе Возрождения.

Скажу лишь кратко.

Обломки византизма, рассеянные турецкой грозой на Запад и на Север, упали на две различные почвы. На Западе все свое, романо-германское, было уже и без того в цвету, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближение с Византией и, через ее посредство, с античным миром, привело немедленно Европу к той блистательной эпохе, которую привыкли звать Возрождением, но которую лучше бы звать эпохой *сложного цветения* Запада; ибо такая эпоха, подобная Возрождению, была у всех государств и во всех культурах, эпоха *многообразного и глубокого развития, объединенного в высшем духовном и государственном единстве всего, или частей,*

Такая эпоха у мидо-персов последовала за прикосновением к разлагающимся мирам халдейскому и египетскому, т.е. эпоха Кира, Камбиза и особенно Дария Гистаспа, у эллинов во время и после первых персидских войн, у римлян после пунических войн и все время первых кесарей, у Византии во времена Феодосиев, Юстиниана и вообще во время борьбы противу ересей и варваров, у нас, русских, со дней Петра Великого.

Соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил еще бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственное.

Нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало нашего более сложного и органического цветения, наше, так сказать, единство в многообразии, надо искать в XVII веке, во время Петра I или, по крайней мере, первые проблески при жизни его отца.

Европейские влияния (польское, голландское, шведское, немецкое, французское) в XVII и потом в XVIII веке играли ту же роль (хотя и действовали гораздо глубже), какую играли Византия и древний эллинизм в XV и XVI веках на Западе.

В западной Европе старый, первоначальный, по преимуществу религиозный, византизм должен был прежде глубоко переработаться сильными местными началами германизма: рыцарством, романтизмом, готтизмом (не без участия и арабского влияния), а потом те же старые византийские влияния, чрезвычайно обновленные долгим непониманием или забвением, падая на эту, уже крайне сложную, европейскую почву XV и XVI веков, пробудили полный расцвет всего, что до того таилось еще в недрах романо-германского мира.

Заметим, что византизм, падая на западную почву, в этот второй раз действовал уже не столько религиозной стороной своей (не собственно византийской, так сказать), ибо у Запада и без него своя религиозная сторона была уже очень развита и беспримерно могуча, а действовал он косвенно, преимущественно эллинохудожественными и римско-юридическими сторонами своими, *остатками классической древности*, сохраненными им, а не специально византийскими началами своими. Везде тогда на Западе более или менее усиливается монархическая власть несколько в ущерб природному германскому феодализму, войска везде стремятся принять характер государственный (более римский, диктаториальный, монархический, а не аристократически областной, как было прежде), обновляются несказанно мысль и искусство. Зодчество, вдохновляясь древними и византийскими образцами, производит новые сочетания необычной красоты и т.д.

У нас же со временем Петра принимается все это уже до того переработанное по-своему Европой, что

Россия, по-видимому, очень скоро утрачивает византийский свой облик.

Однако это не совсем так. Основы нашего, как государственного, так и домашнего, быта остаются тесно связаны с византизмом. Можно бы, если бы место и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто византизмом в лучших проявлениях своих. Но так как здесь дело идет почти исключительно о вопросах государственных, то я позволю себе только напомнить о том, что московский дворец наш хотя и неудачен, но *по намерению* своеобразнее Зимнего, и был бы и лучше его, если бы был пестрее, а не белый, как сначала, и не песочный, как теперь, потому что пестрота и своеобразие более византийской (чем Петербург) Москвы пленяет даже всех иностранцев. Сурпиен Роберт говорит с радостью, что Москва есть единственный славянский город, который он видел на свете; Ch. de Mazade, напротив того, говорит с бешенством, что самый вид Москвы есть вид азиатский, чуждый муниципально-феодалной картине Запада и т.д. Кто из них прав? Я думаю, оба, и это хорошо. Я напомню еще, что наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, создания нашего византизма, суть до сих пор почти единственное спасение нашего эстетического самолюбия на выставках, с которых пришлось бы нам без этого византизма бежать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходом, что все наши лучшие поэты и романисты: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов, оба графа Толстые (и Лев и Алексей), заплатили богатую дань этому византизму, той или другой его стороне, государственной или церковной, строгой или теплой...